

большее значение на современном этапе. Совершенствование законотворческих технологий, распространение в этой сфере цифровых инструментов (блокчейн-технологии и т. п.), несмотря на их пока что ограниченное применение, требует рассмотрения вопроса о смысле правовой политики.

Следует указать на то, что в исследовательской литературе присутствует понимание различия между смыслом права и смыслом правовой политики. Собственно, человек выступает создателем и носителем смыслов, которые включает в реальность. Правовая реальность, рассматриваемая сквозь призму современных коммуникативных подходов, так же становится актуальной только в результате интерпретирующего акта субъекта. Данный подход, распространившийся в философии и теории права на современном этапе, восходит своими корнями к творческим поискам известных отечественных философов и правоведов рубежа XIX—XX столетий¹. В монографии А. В. Малько «Теория правовой политики», к которой обращается значимое количество современных специалистов, в дефиниции понятия «правовая политика» использованы смыслодерживающие характеристики, которые выступают в качестве цели для государственных органов и институтов гражданского общества. Автор предлагает понимать под правовой политикой деятельность, направленную на создание «эффективного механизма правового регулирования», который позволит «цивилизованно» использовать юридические средства для достижения ряда целей: формирования «правовой государственности», «высокого уровня правовой культуры и правовой жизни общества и личности» и, на наш взгляд, в качестве приоритета, «наиболее полное обеспечение прав и свобод человека и гражданина»². Фиксация внимания на субъективных правах личности выступает современной установкой, характерной для социально-гуманитарной области знания в целом.

И, несмотря на то что представление о правах человека достаточно прочно укоренилось в современном российском правосознании, отметим его недостаточность для определения смысла правовой политики в нашей стране. Учитывая особенности национальной культурной традиции, в которой приоритет целого над частями выступает генетической чертой, мы должны признать в качестве приоритета ценность и надличностного феномена, выражающегося в многоединстве народов России. В идеале смысл правовой политики, который формируется в системе государственной власти, и ее смысл, складывающийся в общественном сознании основной массы социально-активной части общества, должны принципиально совпадать. Только в таком случае тенденция к правовой бессмыслице, потенциально наметившаяся в настоящее время, может быть трансформирована в поиски правового смысла.

Ивашевский Станислав Леонидович

Stanislav L. Ivashevsky

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Нижегородской академии МВД России

Правопорядок в условиях кризиса: к новой модели социального порядка

Law and order in a crisis: towards a new model of social order

Предложенный в монографии Р. З. Рувинского «Правопорядок в период глобального кризиса: трансформации, тенденции, угрозы»³ подход к анализу глубинной трансформации правового бытия современного общества представляется значимым шагом по пути осознания многомерности кризиса сложившегося правопорядка и шире — определения вектора дальнейшего социального развития.

Рассуждения и выводы автора носят дискуссионный характер, что в ряде случаев он сам и подчеркивает, видимо, побуждая читателя к сотворчеству, диалогу в обсуждении столь масштабного и сложного комплекса проблем современности.

Так, рассматривая понятие «право» и указывая на его многогранность, автор останавливается в итоге на позитивистском «праве, как явлении, выраженном в нормативных предписаниях». Вместе

¹ См.: Контарев А. А. Проблема сущности и смысла права в контексте перехода русского правоведения от классического к неклассическому типу научной рациональности // Философия права. 2016. № 6 (79). С. 98.

² См.: Малько А. В. Теория правовой политики. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 34, 41.

³ Рувинский Р. З. Правопорядок в период глобального кризиса: трансформации, тенденции, угрозы. СПб.: Алетей, 2020. 350 с.

с тем, он признает этот подход «упрощенным», требующим дополнения исторически изменяющимися идеалами и ценностями, влияющими на характер социального порядка.

При этом за правом у автора монографии часто теряется сам человек, субъект политики. Он творит право и в его интересах может быть именно кризис, а право (в форме норм) является инструментом формирования этого кризиса. Также, на наш взгляд, необходимо более четко определить место и роль политических институтов общества в условиях кризиса правопорядка, собственно, которые и формируют право, мониторят социальную ситуацию, чтобы не допустить кризис.

Автор использует понятие «нормальный ход общественных отношений». Но что означает «нормальный»? Нормы ситуативны. На войне возникают свои нормы, в эпоху революций одни нормы и представления о нормальности заменяются на другие. Специфика современного общества как «общества риска», «общества страха» и непредсказуемости — это уже норма, люди привыкли к такому состоянию, они готовят к нему следующие поколения. Право должно учитывать изменения «нормального» состояния общества. Норма же определяется в соответствии с моделью общественного порядка.

Если признать функцией права определение направлений общественного развития, то есть изменений, выхода за устоявшиеся правила, жизненные устои, то право предстает как противник нормализации (как старого) и сторонник новой парадигмы, формируя тем самым кризис старого, переходный период и другие «ненормальные» процессы. Право формирует и закрепляет новую модель социального порядка.

Автор рассматривает взаимосвязь нормы и исключения, исключения в праве, предлагая отказать от употребления слова «исключение» применительно к нормам права. Он обосновывает понятие «кризисные ситуации в праве», справедливо отмечая их социальную обусловленность. В монографии дана классификация кризисов в праве по различным критериям. Значимы рассуждения автора об особенностях конституционного кризиса, кризиса системы права, кризиса правосознания.

Кризис правосознания, следуя логике автора, — это выход за состояние «нормальности». Но это опять обращает нас к вопросу: какое сознание считать нормой, а какое нет? Кто это должен устанавливать? На наш взгляд, должна быть задана система координат в которой будет закреплена «нормальность», то есть необходима устойчивая модель порядка. Кризис правопорядка — есть проявление кризиса существующей модели социального порядка, которая задает систему координат в понимании должного, желаемого.

Каждый исторический период характеризуется определенным мировоззренческим принципом, философской идеей, объединяющими систему значимых для общества ценностей. Античность характеризуется космоцентризмом, что определяет порядок внутренней логикой организации мира, гармонией, противостоящей хаосу. Средние века ориентированы философией теоцентризма, где порядок определен божественной волей. Эпоха Возрождения и Нового времени — антропоцентризмом, в котором порядок определяется самим человеком, наделенным неотъемлемыми правами и свободами.

Современность же представляет переходный этап, в котором право продолжает опираться на мировоззренческие установки ушедших эпох — ценности «личных прав» и «частной собственности», а общество, столкнувшись с новыми вызовами своему существованию, находится в поиске их альтернатив. К таковым можно отнести уже прошедший историческую апробацию социотризм, заместивший в системе жизненных приоритетов общества личный, частный интерес социальным, коллективным. Уже очевидной альтернативой развития общества стал техноцентризм, в котором техника постепенно заменяет собой человека и происходит технизация права. Но пока модель социального порядка остается неопределенной и это является основной причиной исследуемого кризиса.

Всегда переход от одной модели социального порядка к другой сопряжен с трудностями для человека и общества — с кризисами. Античный порядок изменялся на средневековый через развал античной цивилизации. Средневековый порядок пережил трансформацию через буржуазные революции. Современный кризис естественен и исторически закономерен. Он осложнен и противоречивостью имеющихся вариантов альтернатив общественного развития. Так, техноцентризм вызывает отторжение своей бездушностью и противостоянием принципу гуманизма, подавлением человека, лишением его свободы, тотальным контролем, технологической нормативностью. Соци-

оцентризм также неоднозначен. Был болезненный опыт становления и существования советской системы социального порядка. Но, стоит признать, что он более востребован в условиях роста глобальных проблем, пандемии, международной напряженности и других вызовов современности.

Выбор имеющихся возможностей и формирование новой модели социального порядка всегда за философией и наукой. Обсуждение монографии Р. З. Рувинского тому доказательство. Научный фактор, на наш взгляд, должен дополнить идею Р. З. Рувинского об «онтологическом фундаменте права» или «онтоисторическом базисе правовой системы» — ОИБПС (матрица представлений о добре и зле, справедливом и несправедливом...). Любое искусственное вмешательство в ОИБПС, считает автор, чревато глубочайшим кризисом правовой жизни общества.

Но в предложенном в рассматриваемой монографии онтоисторическом базисе правовой системы «потеряна» наука, научное знание, имеющее столь важное значение в жизни общества несколько последних столетий. Тем более его место в структуре ОИБПС особо востребовано, если признать наличие национальных особенностей развития юридической науки, особенностей русской философии права¹. И глобализация, о которой автор далее размышляет, развиваясь в науке, наносит «удар» по базису национальной правовой системы.

¹ Ивашевский С. Л., Саберова М. Ш. Национально-культурные особенности развития современной юридической науки в России // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 130—135.